

Айзелин и Линее

Н.Г.

Джеку

К.Р.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОДА

ЖИЛ-БЫЛ МАЛЬЧИК ПО ИМЕНИ ОДА. Кто-то, может быть, скажет: что за странное имя?! Но в те времена в тех местах, где он жил, это было обычное имя. Оно означало «острие клинка» и приносило удачу.

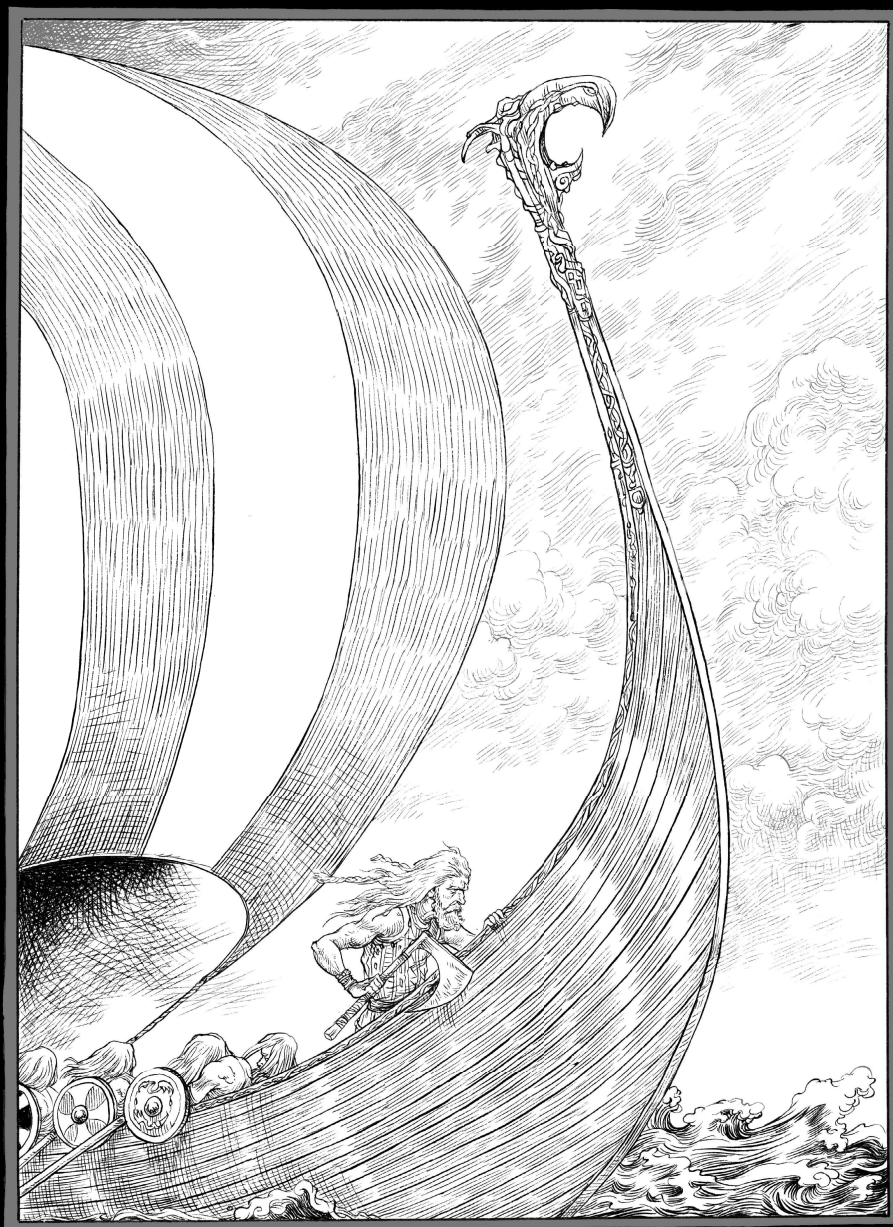
Сам Ода был странным, что да, то да. По крайней мере, так говорили в деревне. И чего за ним сызмальства не водилось, так это удачи.

Два года назад, когда Одду сравнялось десять, его отец не вернулся из морского похода. И прежде бывало, что людей убивали в походах, но отец Ода был убит не шотландцем в бою, не пал доблестной смертью на поле брани, как положено викингу. Он прыгнул в холодное серое море, чтобы спасти упавшего за борт пони из тех, кого воины брали с собой в качестве вьючных животных.

Маленьких, но выносливых пони нагружали золотом и прочей ценной добычей, съестными припасами и оружием, и те тащили награбленное добро на драккар. В походах пони ценились превыше всего, но и хлопот с ними было немало. Когда Верзила Олаф пал в бою от шотландского клинка, отцу Ода пришлось взять на себя заботу о животине. Будучи лесорубом и резчиком, он мало что смыслил в уходе за пони, но старался как мог. На обратном пути, во время шторма у Оркнейских островов, один из пони оборвал привязь и выпал за борт. Отец Ода прыгнул за ним с веревкой, подтащил к кораблю и при помощи других викингов поднял на палубу.

Наутро он умер от холода, сырости и воды в легких.

Вернувшись в Норвегию, викинги сообщили о том маме Одда, а та сообщила сыну. Одд только пожал плечами. Не пролил ни слезинки. Не сказал ни единого слова.

Никто не знал, что творится у Одда внутри. Никто не знал, что у него на уме. В деревне на берегах фьорда, где всем было дело до всех, это жуть как бесило людей.

В те времена викинги промышляли не только разбоем. У каждого было свое ремесло. Мужчины ходили в морские походы от случая к случаю, ради забавы или чтобы разжиться имуществом, какого не сыщешь в родной деревне. Случалось, в этих походах они добывали себе и жен. Маму Одда, столь же чернявую, сколь отец был белокур, привезли в страну фьордов из далекой Шотландии. Когда Одд был маленьким, она пела ему баллады, которые выучила еще девчонкой, за-долго до того дня, когда отец Одда отобрал у нее нож, перебросил ее через плечо и принес на драккар.

Одд частенько задумывался, не скучает ли матушка по Шотландии, но, когда он спросил, она сказала, что нет, не так чтобы очень, но скучает по людям, говорящим на ее языке. Теперь она говорила на языке северян, хотя и с акцентом.

Отец Одда был лесорубом, мастером топора. Он построил себе крошечный бревенчатый домик в чаще леса за фьордом, и уходил на свой промысел на неделю и больше, и возвращался в деревню с тележкой, нагруженной бревнами, уже обтесанными и готовыми к тому, чтобы пустить их в работу. В тех краях все, что можно, делалось из древесины: деревянные клинья скрепляли деревянные доски, из которых сооружались деревянные же дома и деревянные корабли. Зимой, когда по глубоким снегам далеко не уйдешь, отец Одда сидел у горящего очага и вырезал из поленьев фигурки, игрушки для малышей, чаши, миски и прочую утварь, а мама стряпала, шила и — всегда — пела песни.

У нее был красивый голос.

Одд не понимал ни словечка из маминых песен, но, допев до конца, она переводила ему, о чем пела, и он обмирал от восторга, слушая истории о доблестных лордах, что мчались навстречу опасностям и приключениям верхом на могучих скакунах, и на запястье у каждого восседал величавый сокол, и рядом с каждым бежала отважная

гончая, и каждый бесстрашно сражал великанов, спасал попавших в беду девиц и защищал угнетенных от произвола тиранов.

После смерти отца мама пела все реже и реже.

Однако Ода продолжал улыбаться, что несказанно бесило односельчан. Он улыбался, даже когда ему покалечило правую ногу.

Это случилось спустя три недели после того, как драккар вернулся домой без отца. Ода взял отцовский топор, такой тяжеленный, что пуп надорвешь, пока взвалишь его на плечо, и отправился в лес. Он был уверен, что знает все, что положено знать, о ремесле лесоруба, и ему не терпелось применить свои знания в деле.

Уже потом он признался маме, что топор можно было бы взять и поменьше, да и дерево выбрать потоньше.

И все-таки то, что он сделал, весьма примечательно.

Когда упавшее дерево придавило ему ногу, он разрыл под ней землю лезвием топора и сумел ее вытащить, а потом отрубил ветку потолка и справил себе костыль, потому что иначе он просто и шагу не смог бы ступить, на раздробленной-то ноге. Он все же сумел кое-как доковылять до дома, волоча за собой тяжеленный отцовский топор. Металлы были редки в тех краях, топоры можно было добыть, только выменяв или украв, и Ода не мог бросить такое богатство ржаветь на земле.

С той поры миновало два года, матушка Ода вышла замуж за Толстяка Эдфреда, человека вполне добродушного, когда не в запое, но у него уже было четыре сына и три дочери от первого брака (его

